

Новые детали

Алахчит Алтан Борджигин

- Санджар-гуай, останься, коли тебя не затруднит? - попросила Алахчит мужчину, когда они остались, по счастливой случайности, в гэре одни, потому что он замешкался на выходе. Она встрепелулась, словно ото сна, заметив, что осталась почти в одиночестве. - Не хочу с шакалом наедине разговаривать.

Если бы не нога, на которую она не могла наступить, она бы и не побоялась оставаться наедине с шакаленком, которому хотела задать несколько вопросов. Но она могла разве что сидеть на своем кресле, да говорить, а ей хватало ума не доверять никому, кроме Лис. Да и то, не всем Лисам. Но Санджара она не боялась, хоть и был он сыном Берке-предателя. Он уже клялся в своей верности и непричастности к делам отца, и Алахчит в мыслях не было ставить его слова под сомнение. У него уже было несколько возможностей с ней разобраться один на один, будь у него такое намерение.

Она могла бы подождать дядьку Оронара, но тот был занят похоронами, и Алахчит не хотела отрывать его от этих дел. Мертвых нужно было подготовить и похоронить с честью, вывезя в степь, чтобы устроить небесные похороны. Но перед этим Алахчит должна была лично попрощаться с ними.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар обернулся, когда Алахчит его окликнула. Он был рад этой просьбе. Как рад тому, что свадьба с шакалом все-таки сорвалась. Сейчас у Лис было много дел, и нужно было решать более важные вопросы, чем думать о том, насколько Алахчит ему нравилась. Но Санджар не отрицал того, что он был рад находиться рядом с ней. Пусть даже эта просьба была связана лишь с её нежеланием оставаться один на один с шакалом.

- Хорошо, я останусь, Алахчит-хаан, - ответил Санджар. - Тебе что-нибудь принести?

Он взглянул на ногу Алахчит. Наверняка непросто подолгу сидеть, когда раненая нога болит и отекает. Алахчит была гордой, и она не стала бы звать лекаря, зная, что те заняты более тяжелыми ранеными после боя. Санджар видел, что все, кто могли сделать хоть что-то полезное, уже валились с ног от усталости, ухаживая за теми, кто боролся за жизнь. Но сам он вполне мог сходить за чаем для Алахчит или а холодным компрессом, чтобы приложить к поврежденной ноге и успокоить боль.

Алахчит Алтан Борджигин

Наверняка у него тоже было дел невпроворот, и Алахчит поняла бы, если бы один из Хонгиратов, приняв на себя управление кланом, откланялся и поспешил заняться делами подобно остальным, но Санджар-гуай все же согласился остаться. Алахчит не думала, что шакаленок будет творить какие-нибудь глупости сейчас, когда перемирие между двумя кланами было слишком шатким, но хотела обезопасить себя в том состоянии, когда сама не могла себя защитить. Да и вопросы, которые она хотела задать, касались мира, а не войны.

- Нет, нет, ничего не нужно. Просто будь неподалеку, - ей было неприятно, что с ней носились, как с писаной торбой из-за ее сломанной ноги. Не будь этого перелома, Алахчит вместе со всеми занималась ранеными, лошадьми или другими заботами, но не сидела бы тюфяком в кресле, разговаривая разговоры, даже если сейчас это должно было составлять большую часть ее обязанностей как Великого Хана.

- Разговор не займет много времени, - ну, или она на это надеялась, потому что не хотела беседовать с шакаленком дольше необходимого. У нее еще забот полон рот, кроме как с ним тут болтать.

Ветер Перемен

Тенджин до сих пор не верил своей удаче. Сначала ему удалось отправить мать в клан Кобр вместе с одним из мальчишек-лисят, которого хотели убереечь удган со змеиным принцем, затем собрать восстание во главе с одним из уважаемых нойонов, за которым пошли бы многие Шакалы, а потом и выжить в битве, хоть и пострадать. Его забинтованная левая рука покоилась на перевязи, а на лице была огромная ссадина, которая покрылась коркой запекшейся крови, и он, как дурак, волновался о том, что идет на разговор с Алахчит-хаан в таком виде. Хоть и слышал, что она сама не обошлась без ран в этом сражении. Эльшад-ххан не говорил подробности, и Тенджин весьма переживал за то, чтобы девушка не очень сильно пострадала. Он видел ее после битвы - верхом на коне, хоть и залитая кровью, глаза горят - аж дух перехватывало. А, может, и от боли в простреленной руке, Тенджин не рискнул бы говорить наверняка.

На этот раз он был без оружия вообще, поэтому не стал задерживаться у входа в гэр и сразу вошел, зная, что Великий Хан Лис ждет его. Он понятия не имел, о чем она хочет говорить, но был рад ее увидеть, хоть и старался этого не показывать.

- Великий Хан, ты хотела о чем-то поговорить со мной? - уточнил он и заметил, что она снова не одна. Но вместо уже знакомого Тенджину нойона Лис он видел совсем другого, помоложе. Он сдержанно кивнул.

Санджар Хонгират Борджигин

- Говори, сколько тебе понадобится, Алахчит-хаан, - ответил Санджар и улыбнулся. - Я не лекарь, а другие дела могут подождать.

Молодой шакал пришел довольно быстро. У него был потрёпанный вид - досталось в бою от своих же. Санджар кивнул мальчишке в ответ. Ему не было резона дружить с этим шакалом, было бы достаточно, чтобы Алахчит обсудила то, что хотела. Парень уже знал о назначении и обратился к Алахчит как подобало.

Санджар держался неподалеку от девушки и хранил молчание. Он был уверен, что раненый шакалёнок не позволит себе никаких выходок, но было любопытно присмотреться к нему более внимательно, чтобы понять, на что можно рассчитывать в потенциальном союзе. Санджар считал, что нужно найти для этого условия, но считал, что перед Алахчит стояла очень трудная задача, потому что Лисы не доверяли шакалам, и не доверяли за дело, но худой мир все равно лучше доброй ссоры.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит не успела ответить, потому что гэр вошел шакаленок, а обмениваться любезностями с одним из своих новых советников при постороннем Алахчит не считала необходимым или дозволенным. Что раньше бы ее не остановило, когда она была просто Алахчит, дочерью хана и лишь девчонкой, на которую вечно ворчал Оронар. Ей пришлось измениться, и иногда ее это тяготило, ведь если она будет вести себя как девчонка, а не как Хан, не будет к ней доверия и уважения.

- Хотела, - кивнула Алахчит и снова пожалела, что не может подняться, чтобы разговаривать стоя. Ей казалось, что так она выглядит увереннее - когда у нее была возможность выпрямиться и развернуть плечи, чтобы стоять вровень с мужчинами, которые и так были выше ее. А ей приходилось сидеть и испытывать от этого неудобство, хотя это всем остальным должно было быть неудобно от того, что они смотрят на Великого Хана сверху вниз. Раньше, в глубокой древности за такое могли лишиться головы.

- Ты говорил, твоя мать была из клана зайцев, - Алахчит хорошо это помнила. Ее интересовало совсем другое. - Тот клан, что с ним стало?

Ветер Перемен

Тенджин снова покосился на незнакомого ему Лиса. Он не хотел посвящать в тайны своей семьи каждого встречного, но ему приходилось раз за разом это делать. И если Алахчит-хаан он сказал это добровольно, чтобы заручиться ее доверием и поддержкой, то потом его вынуждали говорить об этом снова и снова. Он заметил, что она на этот раз сидит в кресле, и старается не двигать одной ногой, видимо, и пострадавшей в сражении. Он не мог отделаться от ощущения, что ему нравится на нее смотреть - как она сидит, даже так гордо разворачивая плечи, как лежит на правом плече толстая черная коса, перевитая красной лентой, к ее пальцы сжимают подлокотники резного кресла. Он старался вернуть себе самообладание циничными мыслям, что смотреть на нее всяко приятнее, чем на Лиса, держащегося неподалеку. Он был старше, носил усы и бороду, значит, с точки зрения кочевников, давно переступил порог того, что считали взрослостью - момент, когда у мужчины начинали расти усы. До этого даже получивший право сражаться парень все еще считался ребенком и к нему относились соответственно. У Тенджина они не росли до сих пор, хотя ему минуло семнадцать.

- Его уничтожили. Когда зайцы отказались подчиняться, Бектер приказал сжечь деревню на берегу озера Далайнор. Это случилось летом.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар знал об этом мальчишке куда меньше, чем Алахчит. Поэтому он слушал, смотрел и хранил молчание. Он видел, как шакалёнок смотрел на девушку. Так робуют не перед Великим ханом возможных союзников, а перед девушкой, на которую страшно поднять глаза, но не хочется отводить взгляд. Санджар недовольно прищурился.

До сражения он сказал Алахчит, что женится, если минует опасность для его

племени. Чтобы быть уверенным, что его семья сможет жить в безопасности, а его дети родятся в мирное время. Сейчас битва была выиграна, но с той, кого Санджар хотел бы видеть своей женой, он об этом не говорил.

Не сразу Санджар задумался о том, что Тенджин жил меж двух огней: клан его матери уничтожил его отца. И таких среди шакалов могло быть немало. Это объясняло, почему женщины бросались на воинов, а часть из них была готова уйти с Лисами на любых условиях.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит разочарованно выдохнула, она надеялась, что ответ юноши будет несколько другим. То, что Шакалы уничтожали после себя все, словно чума, лишало ее возможности что-то планировать. А ведь она надеялась на помощь зайцев - кланов небольших и мирных, но это все, что она о них знала. Тенджин мог знать больше.

- А были ли еще другие деревни? - спросила она у Шакала. - Которые могли избежать внимания Бектера и Угэдэя?

Все эти кланы когда-то были частью одного большого народа, способного завоевать полмира. Когда необходимость в этом отпала, отдельные семьи расселились по всей Монголии, проникли в Китай, на Тибет и в Россию. То тут, то там можно было найти наследие рода чингизидов. Не могло же быть так, что всех зайцев кроме нескольких человек, которых захватили Шакалы, уничтожили.

Она краем глаза наблюдала за Санджар-гуаем. Он шурился и выглядел как человек, которому не нравится общество шакаленка. Алахчит подумала, что он с большим бы удовольствием выпроводил мальчишку отсюда, но ей нужна была от него информация, прежде чем она распрощается с Шакалом, возможно, навсегда. Ей не нравилось, как мальчишка на нее смотрел. С жадностью, причина которой оставалась для нее неизвестной.

Ветер Перемен

Тенджин задумался. Он был рядовым воином, не самым опытным, не самым выдающимся, но то, что он уже пережил несколько битв, пусть и не из всех выходил без ранений, давало ему основания полагать, что он по-меньшей мере не хуже остальных, кто выживал. Но командиры и хан никогда не посвящали в свои планы тех, кого считали лишь расходным материалом. Задачей Тенджина было держать саблю и убивать тех, на кого укажут, иначе был бы убит он.

- Было еще несколько, но я не знаю, где они находятся. Они очень хорошо скрывают свое местоположение, а те, про которые было известно командирам, либо уже уничтожены, либо зайцы их оставили и ушли, - сейчас в нем вступали в противоречие желание обезопасить кланы, к одному из которых принадлежала его мать, потому что он не знал намерений Алахчит-хатун, и желание ей помочь. Тенджин рассчитывал, что после того, как мать вернется из Непала, они уйдут вместе с Лисами, а затем осядут в каком-нибудь из кланов зайцев.

- Моя мать может знать, - добавил он, продолжая пожирать взглядом девушку и

даже не пытаюсь заставить себя отодрать от нее взгляд. Она была другой, совсем не похожей на женщин из клана Шакалов - те были забитыми, молчаливыми и серыми, уставшими от побоев, насилия и домашней работы. Алахчит-хатун и прочие лисьи девушки выглядели полными жизни и не могли не притягивать к себе взгляд.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджару не нравилось, как шакалёнок смотрел на Алахчит. Он чувствовал ревность, с которой ничего не мог поделать. Он мысленно сравнивал себя с этим мальчишкой и думал, что предложи они Алахчит выбрать между ними двумя, больше преимуществ будет у Санджара. Он был старше и сильнее. Он был лисом и ханом своего племени. В конце концов он не выглядел как подросток, у которого еще не росли усы. Но существовал немалый шанс, что она пошлет обоих, потому что сейчас у неё были дела поважнее. И все же она не осаживала молодого шакала, который таращился на неё влюбленными глазами.

- Твоя мать может задать им вопрос, готовы ли они на встречу с нами? - спросил Санджар.

Ему этот вариант казался самым очевидным. Лисы не собирались нападать на зайцев, звериный облик не определяет внешнюю политику племени. Если планируешь заключать союз, стоит показать, что тебе можно доверять. А не вынюхивать положение другого клана окольными путями.

Алахчит Алтан Борджигин

Пока информации никакой она не получила - обо всем этом она могла догадаться и сама, к тому же она надеялась, что Шакал расскажет ей больше. Не стоило ему доверять слишком слепо, он все еще мог преследовать какие-то свои цели.

- Она согласится поговорить со мной, когда она и Алтан вернутся из Непала? - добавила она к вопросу Санджар-гуая. Она считала, что женщина может пойти навстречу. Алахчит давно слышала, что зайцы вроде как разбираются во врачевании, но никогда не видела тому подтверждения, иначе мать шакала сама могла бы вылечить свой недуг, а не надеяться на помощь принца Кобр. Либо она была истощена окончательно и ей ни на что не хватало сил, либо слухи были всего лишь слухами. Союз с зайцами мог дать им возможность учиться, не прибегая к помощи мастеров монастыря, которые были слишком далеко отсюда, но только в том случае, если они действительно были врачевателями. Алахчит пожалела, что никогда не прислушивалась к словам отца, когда у нее была возможность побывать на каком-нибудь из его советов. - Я хочу задать ей несколько вопросов о зайцах. Она что-то рассказывала о них тебе?

Она старалась никак не давать понять, что прекрасно видит, как шакаленок ее рассматривает, но не препятствовала ему лишь потому, что хотела выведать больше.

Ветер Перемен

Тенджин снова задумался. Он ощущал неясную угрозу, исходящую от Лиса. Он не доверял ему настолько же, насколько сам Тенджин не горел желанием с ним

заводить дружбу. Он игнорировал его в той мере, в какой это было бы уважительно по отношению к представителю чужого клана, даже несмотря на то, что они объединились на время битвы. Тенджин понимал, что близкого союза у Лис с Шакалами никогда не будет. Даже с новым ханом, который будет согласен на перемирие и будет сдерживать тех, кто против новых порядков. Поэтому Тенджин хотел скорее покинуть ставку и уехать. Сейчас его сдерживали только две причины - это мать, которую он хотел дождаться, и Алахчит, от которой невозможно было оторвать взгляд.

- Я спрошу ее, - ответил он. - Она согласится поговорить, но не знаю, согласится ли рассказать многое.

Мать могла отказаться из желания защитить остатки своих сородичей. Хотя Тенджин склонялся скорее к тому, что Лисы хотят просто еще одного союза, чем как-то навредить зайцам. Или ему хотелось в это думать, пока он жадно скользил взглядом по нежным чертам лица Алахчит, как будто желал получше запомнить каждую плавную или, наоборот, острую линию, чтобы потом вызывать в памяти милый облик.

- Они живут обособленно, скрываются, - он пожал одним плечом, потому что второе не двигалось. - Деревни покидают только для торговли. Занимаются земледелием, разводят мелкий скот. Они не воины.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар хотел съязвить, все-таки отметив, как шакалёнок таращится на Алахчит, но взял себя в руки и промолчал. Этот мальчишка мог быть полезен в установлении союза с зайцами, ни к чему ссориться с ним из-за того, что Санджару не нравился его взгляд. На Алахчит сложно не обратить внимания, и красили её не только и не столько нежные черты лица и длинные косы, но и огонь в глазах, который заставлял верить в то, что она справится с чем угодно.

- Мы тоже не воюем. До тех пор, пока на нас не нападают, - сказал Санджар.

Шакал мог этого не понимать. А зайцы могли не верить тому, что вооруженные всадники не всегда несут смерти и разрушения. Лисы могли стать защитой для более слабых племен, но после того, как залижут раны и оправятся от схватки с шакалами.

Санджар считал, что сейчас для его клана настало время перемен. И делал ставку на талант Алахчит находить союзников, который она уже показала, приведя в Монголию кобр.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит казалось, что Шакал темнил. То ли она задавала неправильные вопросы, то ли он не хотел говорить все, что знал, но Алахчит начинала злиться. Она устала, у нее болела нога, которая ее бесила, что она не могла ею нормально пошевелить, не могла спокойно, как привыкла, ходить по гэру из стороны в сторону, и раздражал этот влюбленный - в ведь ларчик просто открывался - и жадный пожирающий ее взгляд шакаленка. Она села в кресле поудобнее, чтобы отвлечься и успокоиться.

Хороша Хан, будет сейчас обижаться, как маленькая девочка, от того, что не подумает желаемого.

Тенджин хотя бы пообещал поговорить с матерью. Алахчит не хотела напоминать им об услуге, которой они оказали шакалу и его матери, потому что Лисы в итоге тоже остались не в накладе, получив взамен поддержку Шакалов в восстании. И это, и еще прочие факторы, послужили причиной для победы - выкинь из этой сложной цепочки хоть одно звено - и результат был бы другим.

Алахчит покачала головой, напоминая Санджар-гуаю, что сейчас не время для пререканий. Она поняла, что имел в виду Шакал.

- Они изучают магию? - спросила она, подбираясь к интересующему ее более других вопросу. - Кроме превращения?

Ветер Перемен

Тенджин раздраженно дернул бровью, когда в выпад Лиса ему показался какой-то намек, и впервые за весь разговор прямо на него посмотрел, словно только что вообще заметив, что он находится здесь. Смутная угроза никуда не пропала. Впрочем, по этому поводу Тенджин не беспокоился - Шакалов мало кто принимал или тем более любил, спасибо последним десятилетиям под предводительством Угэдэя. Он был не обязан любить Лиса в ответ, достаточно того, что Алахчит-хаан продолжала с ним беседовать.

- Они вообще не воюют, - с чуть заметным раздражением добавил он, - у них нет оружия и тех, кто мог бы научить их им владеть.

Он не одобрял такого образа жизни, но не ему было лезть со своим уставом в чужой монастырь. Те же Лисы могли за себя постоять, хотя считали себя не воинами, а коневодами. И не только мужчины, но и женщины тоже. А зайцы, как рассказывала мать, воинами были весьма посредственными, может быть, потому и пострадали от Шакалов.

- Магию земли, врачевание, прорицания, - ответил он уже спокойнее, возвращаясь к разговору с Алахчит. - Но не знаю, все ли этим занимаются.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар взглянул на Алахчит. Она выглядела усталой и раздраженной, но он понимал, к чему она вела разговор. Зайцы изучали врачевание, этот навык был очень важен для Лис, среди которых было мало лекарей. Сейчас помощь Садхир-гуая и обученного им и его союзниками лекаря Алахчит была неоценима. Но и её было мало.

Люди говорили, что Яшви Угдан и Садхир-гуай знали, кого позвать, чтобы приехали лекари из какого-то тибетского монастыря. Но у Алахчит могли быть свои причины к ним не обращаться. А в то же время последствия боя не давали вовремя выехать в степь, и каждый день промедления грозил проблемами с водопоями. Алахчит это тоже понимала, она искала выход.

Санджар замолчал, чтобы не мешать ей вести переговоры. Пусть шакалёнок смотрит, ничего большего ему не позволят. Но только пусть даст нужную информацию, позволит связаться с лекарями, которые близко, в Монголии. а не на Тибете.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит, наконец, услышала то, что хотела знать. Как она и рассчитывала, врачевание все же прозвучало, однако уточнение Шакала насчет того, что не все в клане могли этим заниматься, ее все же насторожило.

- Твоя мать была не единственной из клана зайцев женщиной, кого увели с собой Шакалы? - спросила она. Быть может, помощь намного ближе, чем ей казалось изначально. Если предположить, что среди всех тех женщин, которые предпочли уйти от Шакалов, хотя бы часть - из зайцев, то договориться с ними будет намного проще.

Алахчит снова посмотрела на свою ногу, злясь на себя за то, что не может просто пойти и спросить у женщин напрямую, а ей приходится узнавать все через третье лицо. И она чуть ли не первая была заинтересована в помощи опытного врачевателя, пусть и предпочитала, чтобы они вначале занимались теми, кому эта помощь действительно нужна.

- Сколько их сейчас осталось в вашем клане? - добавила она прежде чем шакаленок успел ответить.

Ветер Перемен

Тенджин с удовлетворением заметил, как Алахчит-хаан велела Лиса замолчать и не вмешиваться в разговор. Он чувствовал себя странно - он понимал, что Лис старше и опытнее, к тому же он - хан одного из кланов, но ему не нравилось то, что ему приходится разговаривать с Алахчит не наедине, что было бы намного предпочтительнее. Что вообще приходится отвлекаться на Лиса. Конечно, вряд ли бы что-то поменялось, если бы он остался один на один с Великим Ханом, но сама мысль об этом уже была приятной.

- Они забрали всех женщин, - сказал Тенджин. Неприятно было вспоминать об этом, хотя это было еще до его рождения. Словно он косвенно был причастен к этому, будучи на месте своего отца и неся ответственность за его поступки. - Сейчас они все ушли, забрали с собой детей. Женщин тридцать. Детей не знаю сколько, их всегда то меньше, то больше.

Он пока не понимал до конца, чего хочет от этих ответов получить Алахчит, вероятно, просто увеличить силу своего клана за счет притока свежей крови. Это было невыгодно Шакалам, но Тенджин уже не думал о них как о своих сородичах. Мысленно он был за пределами ставки, желательно где-то рядом с Алахчит-хаан. Он заметил, как она смотрит на свою пострадавшую ногу.

- Тебе лучше снять обувь, Великий Хан, - заметил он. - Она сдавливают ткани, и отек, как и боль становятся еще сильнее.

Санджар Хонгират Борджигин

Несмотря на неприязнь к шакалёнку, Санджар внимательно его слушал. Тот говорил больше, и становилось ясно, что он больше знал, чем говорил с самого начала. Например о женщинах из клана зайцев и их детях, которые не захотят остаться со своими похитителями. И, похоже, парень разбирался во врачевании.

- Тебе помочь, Алахчит-хаан? - спросил Санджар, когда мальчишка сказал, что ей лучше снять обувь. - Ты знаешь врачевание? - уточнил он у шакалёнка.

Он не без злорадства подумал о том, что те, кто мог лечить, сейчас в первую очередь помогали тем из воинов, чья жизнь все еще оставалась в опасности. И вряд ли Алахчит захочет, чтобы этот мальчишка помогал ей, когда он мог быть более полезен среди её воинов.

Её травма не угрожала жизни, хоть и не давала встать на ноги. Санджар надеялся, что ей помогут опытные лекари, когда у них будет такая возможность.

Алахчит Алтан Борджигин

Как бы это ни звучало, но сейчас Алахчит, в связи с вопросом о врачевании куда больше интересовалась женщинами, чем их детьми, которых они взяли с собой. Маленькие шакалята, из которых могли вырасти наследники своих отцов, пока ее не волновали так же сильно, как вероятность, что среди женщин может оказаться врачевательница достаточно сильная, чтобы ускорить восстановление тех, кому срочно требуется помощь, и которая затем, возможно, согласится передать свои знания другим врачевателям, и тогда не придется обращаться за помощью в монастырь. Она должна была поговорить с женщинами, но такая возможность появится только после того, как она сама сможет встать на ноги. Вилы.

- Еще чего, - возмутилась Алахчит совсем не как Хан, когда Санджар-гуай предложил свою помощь. Алахчит даже позабыла о том, что нужно вести себя с достоинством в любой ситуации, - неужто я не справлюсь со своим сапогом?

Тем не менее, снимать она его не стала, несмотря на совет шакаленка. Здравый, в общем-то, совет, но делать нечто подобное в его присутствии ей не хотелось. Она не хотела, чтобы он думал об ее слабости или уязвимости. Да и принимать помощь Санджара в такой мелочи было не по себе.

- Я получила ответы на все вопросы, которые меня интересовали. Я буду благодарна тебе и твоей матери, если она согласится поговорить со мной, - добавила Алахчит, желая отойти от неудобного для нее разговора о ноге. - Так ты знаешь врачевание?

Ветер Перемен

Тенджин саркастически ухмыльнулся, увидев, как подорвался Лис помогать своему Хану даже в такой мелочи. И, хотя он почувствовал в груди неприятное жжение от мысли, что она может принять эту помощь, он ухмыльнулся еще ядовитее, поняв, что девушка отказалась. Ему почему-то не хотелось, чтобы этот Лис прикасался к ней. Или к ее обуви.

- Нет, я не знаю врачевание, но для этого оно и не нужно. Это знает каждый, кто часто бывает в боях и кого хоть раз ранили в ногу, - он не смог удержаться от едкого комментария Лису. Сейчас он понимал, что несмотря на возраст, у Лиса вряд ли боевой опыт больше, чем даже у него, у Тенджина, потому что последний год он в составе отряда покойного Бектера побывал уже в нескольких схватках. Если отбросить в сторону те, в которых покоренные народы не сопротивлялись, сдаваясь сразу, то остальных стычек было все равно достаточно. Тебе сайгаки бились до последнего.

- Хорошо, Алахчит-хаан, - это было довольно дерзко с его стороны, но ему казалось, что он может сейчас это себе позволить. - Я могу уйти?

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар не стал настаивать. Алахчит была гордой и отказывалась принять помощь, хотя не было ничего странного в том, что она не могла ходить после того, как на неё упала убитая лошадь. Повезло, что все обошлось так, и следом за стрелой, убившей коня, не прилетела следующая, которая бы зацепила всадницу. В этом бою и так было слишком много убитых и раненых.

Лис снова недобро взглянул на шакаленка. Нашел чем хвастаться, что в своем позднем детстве успел навоеваться за проклятых падальщиков. Санджар был бы счастлив, если бы ему самому никогда не пришлось брать в руки оружие. И немногие схватки, в которых бывал лично он, были последним, что он бы хотел вспоминать.

Он перевел взгляд на Алахчит, но затем склонил голову и промолчал из уважения к ней, чтобы просто не устраивать сейчас бессмысленную перебранку. В этот раз шакалёнок сражался за лис против своих, до этого он сражался за шакалов, наверняка против тех же зайцев. А теперь пришел распускать хвост и хвастать тем, какой он умудренный боевым опытом герой.

Алахчит Алтан Борджигин

- Ну, довольно, - все же оборвала она этот обмен колкостями, который мог бы возникнуть на ровном месте. - Не время саблями мериться, да шрамами хвастаться.

Типичный шакал. Как те кичились своими ранениями, подчеркивая их, пытались запугать противника, так и этот туда же, хотя еще усы не росли. Не усы и не сабля делает из мужчины мужчину, но объяснять это шакаленку Алахчит не стала. У нее не было такой задачи. Коли считается взрослым мужем, а не мальчишкой, что разрешили в битвах участвовать, пусть своей головой и думает.

- Да, ступай, - согласилась она, не став поправлять, что шакаленок назвал ее по имени, а не по статусу, что было бы правильнее, но чего не хотела сама Алахчит. Она не хотела возноситься на какие-то недостижимые дали, чтобы ее поклонялись и боялись смотреть в глаза. Она все еще оставалась лисой и не предпочитала быть среди остальных обычных людей, даже если ей и нужно было соблюдать какую-то дистанцию. Она хотела, чтобы ей доверяли, а не боялись или ненавидели.

Тенджин ушел, Алахчит дождалась, пока дверь за ним закроется, а потом с трудом стянула правый сапог, нога в котором уже еле помещалась.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар проводил взглядом шакалёнка. Он считал, что замечание Алахчит относилось именно к мальчишке, потому что сам он не полез в спор, благоразумно промолчав. Сейчас нужно было думать об интересах клана, а не о личной неприязни к потенциальным союзникам.

- Я надеюсь, от разговора с его матерью пользы будет больше, - сказал Санджар, когда они с Алахчит остались наедине.

Он видел, что девушке было трудно снимать сапог с опухшей ноги. Но она все же последовала разумному совету неразумного шакалёнка.

- Может, стоит расспросить тех женщин, которые присоединились к нам, вдруг они смогут нам помочь с поиском зайцев? - предложил Санджар.

Эти женщины держались обособленно и опасались как шакалов, так и лис. Они выбирали меньшее из зол, но не спешили открываться, рассказывая о своих способностях и своем происхождении.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит вытянула ногу вперед и откинулась на спинку кресла. Ей ужасно сильно хотелось поднять сломанную стопу куда-нибудь повыше, потому что так создавалась иллюзия, что будет не так больно, но рядом не было ничего подходящего, а выглядеть слишком уже измученной болью и слабой девушке не хотелось. Даже если это и логично и в этом нет ничего постыдного.

- Она должна знать намного больше, - ответила она Санджару, который все еще оставался в ее гэре. Ей было приятно чувствовать его поддержку, хотя до памятного дня битвы она о нем знала лишь заочно. По-меньшей мере, с ним она не опасалась оставаться одна в гэре, будучи со сломанной ногой, а, значит, почти лишенная возможности защищаться. - Шакал либо не знает, либо не хочет говорить.

Она все же склонялась к тому, что он действительно не знает очень многое, и ему попросту нечего рассказать. А еще она снова стала свидетелем его вызывающего поведения. Вот поэтому Лисы не стремились заводить союзы с Шакалами.

- Нам не столько важен союз с самими зайцами, сколько интересуется, как много женщин среди тех, кто ушел от Шакалов, владеет врачеванием, и согласятся ли они обучать этому Лис, - добавила она. - Но сейчас у них много забот о раненых, и чтобы я могла с ними поговорить в ближайшее время, нужно что-то делать с этой ногой. Не на коне же туда ехать.

Санджар Хонгират Борджигин

- Мне сложно ему доверять. Он воевал сначала за шакалов, потом против них, - сказал Санджар.

Мальчишка был еще молод, но явно не стеснялся своего боевого опыта. Такие не заслуживали доверия, какие бы гарантии за этим ни стояли. Только время, за которое можно присмотреться. И то стоило держать свои мысли при себе. Санджар не знал подробностей о том, как мать шакалёнка оказалась в Непале, и считал, что Алахчит расскажет, если сочтет нужным.

- Я могу расспросить их о лекарях, - сказал Санджар. - В ближайшие пару дней у тех, кто может вылечить твою ногу, будет больше времени на это.

Борьба за жизнь длилась недолго, после этого раненый либо шел на поправку, либо завершал свой земной путь. И когда самые сложные вопросы будут закрыты, найдется лекарь, который поможет вылечить травму Великого Хана, чтобы та могла в полную силу заняться делами.

- Кстати о коне. Мне жаль, что твой погиб в бою, - Лис склонил голову. - У меня есть трехлетний жеребец, Салхи, который может стать хорошим боевым конем. Я буду рад, если ты согласишься принять его в дар в честь твоего назначения.

Алахчит Алтан Борджигин

- Он может скрывать часть правды, но в его интересах сотрудничать с нашим кланом, его мать сейчас в Непале в резиденции Кобр. А он во что бы то ни стало хочет ее уберечь, - Алахчит не хотела использовать женщину как рычаг давления на шакаленка, и скорее всего не стала бы делать это даже если бы Шакал отказался поддерживать союз. Ей было жалко этих забитых измученных женщин, которые и так потеряли всякое доверие к людям и наверняка ждали чего-то подобного от Лис в том числе. Она хотела показать им, что не все кланы похожи на шакальи. Что никто не будет принуждать их к чему бы то ни было только ради собственной выгоды. Конечно, потерять нескольких врачей будет обидно. Но зато не обидно не потерять свою честь и гордость.

- Неловко тебя просить об этом, братец, - призналась Алахчит. - Хороша Великий Хан, чужими ручками все дела решает.

Хотя обычно так всегда и делали. Алахчит считала, что от этой традиции тоже придется избавиться. Если бы не нога, стала бы она сидеть в этом кресле, маясь от безделья, когда могла бы помочь остальным с ранеными.

- А на дар соглашусь. Слыхала про твоих коней, Санджар-гуай. Моего коня жалко, но, поговаривают, твои - самые лучшие в степи?

Санджар Хонгират Борджигин

- Ты сама назначила меня нойоном, позволь мне заниматься работой, которая мне под силу, - ответил Санджар. - Каким великим бы ни был хан, у него две руки, которых не хватит на все дела.

Алахчит было чем заняться в эти дни. Ей нужно было решить, как организовать Лис, и что сделать для того, чтобы вовремя выйти в степь, пока ближайшие до реки водопой не пересохла. Она могла ехать верхом, несмотря на травму, но были

раненые, которым такой переход пока был не под силу.

- Мои кони умны и выносливы. Я считаю, что они - лучшее, что я могу дать нашему клану, - сказал Санджар. - Я приведу тебе Салхи завтра утром. Он уже знаком с уздой, но ему нужно привыкнуть к всаднику.

Три года - детство для коня. Он уже достаточно силен, чтобы вынести всадника, тем более девушку, но ему еще нужно время, чтобы повзрослеть. Санджар доверял Алахчит. Он сам голосовал за то, чтобы она стала Великим Ханом, он был уверен, что она не испортит хорошего коня неумением или грубостью.

Салхи был довольно крупным вороно-чалым конем с длинными, как у любой монгольской лошади, хвостом и гривой. Этот конь цвета червленого серебра еще будет расти и матереть, но уже сейчас было видно, что он был достоин Великого Хана.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит слегка улыбнулась. Ханы Лис оставались ханами во главе своих кланов, Алахчит не снимала с них эти обязанности, пусть даже они и принимали звание нойона, то есть приближенного Великому Хану. Кто, кроме них, мог знать лучше каждый свое племя, его нужды и стремления.

- Боюсь, не будете тебе от них доверия, братец, - ответила Алахчит. - Женщине они откроются куда охотнее.

Она с трудом могла представить себя на их месте, но ей казалось, что обжегшись на молоке, дуют на воду. Один раз пострадав от мужчин чужого клана, они будут осторожнее впредь. Эти женщины были напуганы, ослаблены, но, отчаявшиеся, могли за себя постоять, как дикие звери, защищающие себя и свое потомство.

Алахчит понимала, что не может тащить все на себе, что для того и нужны ее советники, чтобы помогать и словом и делом, но пока не понимала, где кончается ее самостоятельность, как Великого Хана, и начинается делегирование обязанностей. Ей еще многому предстояло научиться. Она кивнула на предложение привести коня утром.

- Так что ты думаешь о союзе с Шакалами, Санджар-гуай? - любопытствовала Алахчит. - Теперь, когда других ханов здесь нет, можешь сказать мне все прямо. Мне любопытно твое мнение.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджару было нечего на это возразить. Женщины, которые были в плену у шакалов, скорее поверят Алахчит, чем ему, ведь зайцы и так осторожны, а те, кто уже натерпелся, будут бояться веревки, принимая её за змею.

- Я не доверяю шакалам, но худой мир лучше доброй ссоры, - сказал Санджар. - Мы должны с ними договориться до того, как Асака договорится с их новым ханом. И держать их на виду, чтобы они не предали нас снова.

Шакалы все еще были сильны, но они не станут воевать против Асаки, оставшись в одиночестве. Они скорее примкнут к тому, кто предложит им силу и власть, даже если новый хан и его нойоны будут громко говорить о том, как неприятен им был Удэгэй. Они привыкли забирать то, что им было нужно, силой. Они много лет соглашались с существовавшим порядком и воспитали поколение шакалят, которые гордятся тем, что навоевались в детстве. Они не могли стать надежными союзниками, но как противники они были куда опаснее.

- Я считаю, что мы должны договориться, что выступим друг за друга, если появится Асака. Но в остальном каждый идет своей дорогой, - продолжил Санджар. - Полноценный альянс свяжет нам руки. Шакалы привыкли воевать. Может получиться так, что они нападут на тех, с кем мы будем сотрудничать. Не думаю, что лисы захотят выступить на стороне шакалов, если те нападут, например, на зайцев. Лично я не захочу.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит снова хотелось ходить из края в край гэра, как она делала всегда, потому что лучше всего могла думать именно в движении. А так приходилось только ерзать на стуле, пытаясь пристроиться поудобнее, потому что спина затекала, а деятельной Алахчит всегда было невыносимо долго сидеть на одном месте.

- Сейчас шакалы, а, значит, и Асака, контролируют торговые пути, ведущие через Монголию. И большая часть контрабанды перевозится именно по степи, - заметила она. Монголия - это огромная черная дыра, где можно спрятать что угодно и кого угодно. В том, чтобы спрятать кого угодно, Алахчит уже убедилась - беглая принцесса Маниша Шах, а ныне Номинжин с Тамерланом, могли быть спокойны в том, что рыси их никогда не найдут. - Торговым караванам нужна охрана. Лисы и зайцы не могут предоставить эту охрану, зато могут Шакалы. И если процесс перевоза контрабанды нельзя остановить, нужно его возглавить. Нам нужен этот союз. Сейчас наш союз с Тиграми и Кобрами держится только из-за одной Яшви-Удган и тому, что мы выступили против Асаки. Если мы укрепимся в Монголии, станем силой, с которой нужно считаться. Пока, увы, Лисы скорее кучка бунтарей. Пойми сейчас это Шакалы - и от Лис не останется и следа.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджару не нравилась идея связываться с контрабандой. Он не хотел, чтобы Лисы рисковали жизнью, еще и нарушая закон, лучше было держаться за счет торговли, хотя она приносила куда меньше денег.

- Что ты будешь делать, если ради этого союза от нас потребуют воевать за шакалов против кого-то из мирных племен? - спросил Санджар.

Алахчит была права, Лисы сейчас не были армией. И недавний бой еще заметнее ослабил клан, пусть даже сегодня племена смогли объединиться. Один раз шакалы уже предложили свои условия для союза, которые лишь по стечению счастливых случайностей не закончились продажей в рабство всех лис.

Санджар считал, что сейчас рано думать о том, чтобы бороться за власть в регионе. Сейчас нужно было залезть в нору, зализывать раны и копить силы. Вернее, найти

возможность, чтобы выйти в степь, пока лошади не начали голодать.

- Мы не можем возглавить перевоз контрабанды, мы выбираем, в чем мы готовы уступить шакалам, называя это союзом, - сказал Санджар.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит не сразу нашлась, что ответить. Этот вариант тоже нельзя было сбрасывать со счетов, как бы ни противно было об этом думать. Шакалы привыкли воевать, это составляло весь их образ жизни. Рано или поздно все вернется на круги своя.

- Я не знаю, - призналась она. Ей хотелось думать, что этого не случится. - У нас один противник, а мы грыземся друг с другом, что ослабляет нас еще сильнее, - она в бессилии ударила кулаками по подлокотникам так, что заныли руки. У нее не было готового решения, которое понравилось бы всем сразу. Она плохо разбиралась в политике, она не была готова к тому, чтобы управлять целым народом. Но если не она, то кто же? Алахчит прижала ладони к щекам и провела ими по лицу и волосам, чтобы собраться с мыслями.

- Потому что объективно они сильнее. Мы должны предложить им условия выгоднее, чем может предложить Асака, но нам нечего им предложить. И это они нам нужны, а не мы им, - как бы самоуверенно она не держалась перед ханом Шакалов, они оба понимали, что это напускное. Потому что Алахчит не могла иначе, не могла показывать страх и слабость - иначе сожрут. Даже при поддержке отряда Кобр, Лисы не смогут повторно победить даже отряд опытных воинов, и взяли скорее фактором неожиданности, а не численностью или воинским искусством.

- Мы оставим охрану контрабанды им. Сейчас весь доход с нее уходил Асаке, взамен они получали лошадей, оружие и прочие блага. Мы предложим торговые отношения и взаимопомощь в случае открытого конфликта с Асакой и попросим того же взамен. Косвенно доход от торговых путей окажется и в наших кланах тоже, так как мы будем продавать им лошадей и оружие. И им и нам будет выгодно, если прибыль не будет покидать степь.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар видел, что Алахчит нервничала и даже не пыталась это скрыть. Лисы сейчас находились в сложном положении, из которого не было очевидного выхода. Нужно было проявить всю возможную гибкость и хитрость, чтобы выжить и остаться при своих интересах, а потом копить силы. На то, чтобы иметь способность себя защитить и не вести ни с кем войну.

- Это решение мне кажется правильным, - согласился Санджар со словами Алахчит.
- Мы должны помнить, что шакалы могут предать нас в любой момент, но пока это будет тот худой мир, который даст нам время.

Что им лошади, когда Асака мог хорошо платить. Что им союз с чуть живыми лисьими племенами, когда у их прежнего сюзерена больше возможностей, есть сила и власть. Санджар не верил в то, что нынешние шакалы вдруг станут белыми и пушистыми, за один день отказавшись от прежних притязаний. Потеряв хана и

нойонов они ослабили, но не настолько, чтобы сдаться. Тем, кто выжил, понадобятся средства на существование. А такие, как сегодняшний шакалёнок, не привыкли ни пахать землю, ни пасти скот.

- Сейчас нам нужно обсуждать, на каких условиях мы будем с ними торговать, и то, что при войне с Асакой выступим на одной стороне.

Алахчит Алтан Борджигин

- Тогда я не понимаю, зачем они присоединялись к восстанию, чтобы впоследствии нас предать. В этом случае им не было выгоды избавляться от Угэдэя, - Алахчит хотелось верить в наилучший исход. Что Шакалы и правда выбрали в ханы человека, который не будет заключать новый договор с Асакой, какие бы преимущества им это не сулило. Потому что это значило снова продаться японцу и потерять свою свободу. Она надеялась, что Шакалам достанет благоразумия не повторять своих же ошибок. - Если только это не было очень умной хитростью.

Алахчит чувствовала себя так, словно пыталась поймать ветер, но он все равно оказывался на пару шагов впереди нее, как бы она ни бежала следом за ним со всех ног. Могли ли они попасть в ловушку, которую расставили на них Шакалы, в то время как Лисы нашли для самих себя повод гордиться своей хитростью? От всех этих размышлений у нее пухла голова, особенно от необходимости держать в этой самой голове тысячу мелочей и что-то решать.

- Спасибо, Санджар-гуай, за поддержку. Но я должна поговорить с другими ханами перед тем, как принимать решение, и выслушать хана Шакалов, быть может, им тоже есть что нам предложить. Я и так отняла чересчур много твоего времени.

Санджар Хонгират Борджигин

- Возможно, они искренне были недовольны Угэдэем. Но они не умеют жить иначе. Они привыкли жить войной. Я скорее буду рад ошибиться, не доверяя им, чем доверившись, - ответил Санджар.

Алахчит дала понять, что услышала его мнение. Ханы других племен и нойоны, приближенные к Алахчит, могли считать иначе. Но решение принимать ей.

- Спасибо, что выслушала, Алахчит-хаан. Ты всегда можешь послать за мной, если понадобится, - сказал Санджар перед тем, как покинуть гэр.

В его голове роились мысли. Он не знал, какое решение будет правильным, и мог лишь сочувствовать Алахчит, которая должна была взять на себя ответственность за судьбу клана. Он был готов в любом случае быть рядом с ней и её поддерживать. Лисы были живы, у них появилась возможность стать сильнее, и нужно было правильно ей распорядиться, не наравшись снова, но и не утратив свою свободу.
